

Марианна Алексеевна КАЗАЗАЕВА¹

УДК 81-112

О КРИТЕРИЯХ УСТАНОВЛЕНИЯ ГРАНИЦ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРИОДОВ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии и методики
Иркутского государственного университета
mar4272@mail.ru

Аннотация

Проблема установления четких границ на линии смен синхроний при диахроническом описании языка является малоизученной и потому актуальной. Открытым также остается вопрос относительно хронологической привязки многих процессов, происходивших в истории русского языка.

В центре статьи стоит разбор хронологических рамок современного русского языка и критериев их объективного выделения, существующих на современном этапе развития языкознания. Рассматриваются истоки развития русского языка из общеиндоевропейского источника, которое происходило путем закономерной и последовательной смены ряда фаз конвергенций и дивергенций. Автором статьи дан краткий обзор истории указанного вопроса, описаны основные критерии, существующие для выделения наиболее эффективных принципов деления истории языка по периодам. Изложены собственные предложения относительно принципов выявления границ новых синхроний и их пиков с учетом факторов, являющихся результатом влияния ряда совокупных причин как внешнего, экстралингвистического, характера, так и внутреннего, связанного с механизмом устройства самой системы языка.

Ключевые слова

Диахроническая лингвистика, языковое изменение, линия синхронии.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-74-81

Цитирование: Казазаева М. А. О критериях установления границ исторических периодов развития русского языка / М. А. Казазаева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2, № 1. С. 74-81.
DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-74-81

Современная наука о языке достаточно продвинулась вперед, однако вопросов, стоящих перед ней и требующих своего неотложного решения, осталось много. Это подтверждает постоянный интерес исследователей к проблемам периодизации истории русского языка, установления обоснованных границ его исторического развития, т. е. вопросов, которые до сих пор нельзя считать окончательно решенными.

С одной стороны, известно, что история языка тесно связана с историей развития определенного этноса. Однако при рассмотрении истории развития народности следует учитывать разные факторы: историю заселения тех или иных областей, культурных и иных контактов с представителями приграничных, а также соседних культур (например, при наличии развитых торговых связей) и др. В языке это может найти свое выражение в распространении определенных грамматических явлений территориального характера путем формирования особых диалектных континуумов. С другой стороны, развитие грамматического строя связано с развитием мышления, а оно — с развитием общества и производства.

Углубляясь в истоки указанной проблемы, отметим, что общеиндоевропейская языковая система, продуктом распада которой считаются исторические индоевропейские языки, не входит в число языков, засвидетельствованных исторически, и представляет структурно-теоретическое построение, некую условную языковую модель, созданную поколениями ученых. Ее основа была заложена еще в XIX в. и базировалась на основании определенных рядов формально-функциональных соответствий различных уровней языков так называемой индоевропейской языковой группы. Широко известная сейчас концепция, согласно которой все индоевропейские языки восходят к одному, преимущественно однородному, праязыку — праиндоевропейскому, была выдвинута первоначально Ф. Боппом и А. Шлейхером, а впоследствии поддержана и развита младограмматиками и сторонниками сравнительно-исторического направления [3, с. 34].

Достаточно длительный период указанная проблема оставалась в стороне от основных интересов исторического языкознания. Попытку исследовать доисторию праиндоевропейского языка в свое время предпринял А. Кюни [6]; позднее интерес к изучению проблем языковой хронологизации и праязыка усилился в связи с появлением работ Э. Бенвениста (1935) [2] и Е. Куриловича [5], важнейшим отличием которых стало то, что их авторы использовали метод внутренней реконструкции применительно к анализу структуры индоевропейского корня.

С течением времени соответствия, установленные с помощью методов сравнительной и внутренней реконструкции, позволили ученым восстановить многие исходные структуры. В сравнительной лингвистике было выдвинуто предположение, согласно которому эти структурные модели отражают в первом приближении систему некогда существовавшего в пространстве и времени общеиндоевропейского языка-основы, распад которого на самостоятельные

языковые единицы положил начало образованию и формированию исторических индоевропейских языков [4, с. 22]. Однако имело место и предположение, согласно которому такого общеиндоевропейского языка существовать не могло, а речь должна вестись, скорее, о диалектах данного языка [10, с. 10].

Действительно, гипотеза о наличии единого праязыка неоднократно подверглась серьезной критике. Так, по мнению Н. С. Трубецкого, существование языковой семьи не обязательно предполагает происхождение всех входящих в ее состав групп от одного праязыка; более того, исследователем была обоснована гипотеза, согласно которой праформы разных индоевропейских языковых групп первоначально обладали большими различиями, однако постепенно, в результате непрерывных контактов, взаимной интерференции и заимствований, сблизилась, но не слились полностью. При этом фазу конвергенции языка-источника сменила фаза дивергенции, приведшая к последующей дифференциации различных групп индоевропейских языков [9, с. 44-59].

Следующей проблемой, проявившейся на новом этапе развития исторического языкознания, стало установление наиболее эффективного принципа деления истории данного индоевропейского языка по периодам. Критерии для проведения деления предлагались разные. Например, Н. Д. Андреевым в качестве основания был выдвинут принцип соотношения характера структуры корня и основы [1]. Ученый указывал, что в праязыке эпохи распада основа была многоморфемной. Если учесть, что для эпохи, предшествовавшей распаду праязыка, Э. Бенвенист установил двухморфемную основу, состоящую из двухконсонантного корня и одноконсонантного суффикса или распространителя, то возможно, что двухморфемной основе предшествовала одноморфемная, равная корню [1, с. 4]. Эти этапы развития разных состояний морфемы и могли служить, по мнению исследователя, основным принципом, помогающим разграничить периоды развития индоевропейского праязыка.

Эта теория нашла свой отклик в трудах других ученых. Так, В. Н. Топоров также указывал, что теория строения индоевропейского корня, которая опирается на признание двух его состояний, способных присоединять те или иные расширители или суффиксы, позволила связать в единую цепь целый ряд корней, считавшихся ранее независимыми друг от друга [8, с. 45]. Более того, исследуя историю языка, некоторыми авторами также было высказано предположение, что ранний индоевропейский период существовал как дофлективный. Так, крупнейший представитель классической индоевропеистики А. Мейе не сомневался в существовании подобной эпохи в истории праязыка: по его мнению, это была эпоха «неизменяемых слов» [7].

Разворачивая линию смены возможных синхроний во временном континууме (достаточно условном), отметим, что между современными индоевропейскими языками и их языком-основой имело место несколько последовательных языковых дроблений. Однако не следует забывать, что даты образования и «затухания» тех или иных языковых общностей являются по большей части относительными и могут значительно варьироваться.

В современном языкознании уже достаточно прочно закрепилось мнение, согласно которому распад общего языка наступает тогда, когда носители диалектов начинают плохо понимать друг друга, т. е. диалекты утрачивают способность переживать общие языковые изменения. Так, в результате первого распада языкового единства (индоевропейского) выделилось несколько групп диалектов, в том числе протославянские (предславянские), легшие в основу праславянского языка. Отметим, что именно праславянский языковой период признается многими лингвистами исходным для начала отсчета истории русского языка [11, с. 87].

Все вышеизложенное позволяет современным ученым представить историю развития древнерусского языка в виде ряда последовательных дроблений (стадий дивергенций и конвергенций) из условного индоевропейского языка-основы.

Открытым остается вопрос относительно хронологической привязки языковых изменений к линиям смен синхроний. Действительно, изменение как результат движения языковой системы подготавливается на более ранних стадиях ее развития, в синхронии, но не происходит внутри нее. Проследить же подготовленное изменение возможно только в диахронии, когда произошедший языковой процесс выявляется посредством сравнения как минимум двух синхронных срезов. При этом изменение является итогом действия более длительных процессов, например, переинтеграции и варьирования. Мы считаем, что основную линию диахронии можно представить как последовательность ряда синхроний — сменяющих друг друга синхронных состояний языка. В этом движении нет ясных границ, но существуют определенные точки — так называемые синхронные срезы.

Одним из факторов, оказывающих значительное влияние на происходящие в языке изменения, является совокупность разного рода экстралингвистических причин — условий существования того общества, в котором бытует язык. Но также очевидна зависимость происходящих языковых изменений и от его внутреннего механизма и устройства самой системы языка. Так, распад праславянского этноязыкового единства совпал с разрушением родового строя, зарождением классовых различий, возникновением первичных государственных образований — это и стало основной социолингвистической причиной начавшихся языковых дивергенций.

Однако выявить прямую зависимость между причинами внешнего характера и внутренними изменениями, проецирующимися на языковую реальность, не всегда представляется возможным, когда речь идет о доисторическом периоде развития языка, т. к. имеется слишком мало фактов, помогающих реконструкции происходивших социально-общественных изменений, много домыслов и предположений. Другое дело, когда мы вступаем в область исторического, документированного состояния общества. Здесь письменные источники позволяют нам сделать более конкретные выводы, выявив тенденции определенного рода.

В этом плане следует отметить, что языковые изменения (и, следовательно, линии смен синхроний) носят неоднородный характер: вслед за периодами относительного благополучия, характеризующегося медленными процессами накопления изменений разного рода, следуют некие «всплески», когда накопленная масса количественных изменений переходит в новое качественное состояние, и изменение, бытовавшее ранее как возможный (но не обязательный) вариант, становится закрепленным, вызывая в ряде случаев изменение всех элементов системы. Так происходило, в частности, в X в. (один из «пиков» активности системы), когда совокупность целого ряда изменений социального характера (политические междуусобицы, смены власти, борьба христианства и язычества) спровоцировала буквально «обвал» изменений разного характера (фонетических, лексических, грамматических), ставших цепной реакцией, которая изменила всю систему русского языка (переход от доминирования системы вокализма к консонантизму в фонетике, глобальное изменение целого ряда грамматических категорий и др.). Понятно, что такое глобальное изменение языковой системы было бы невозможно без предварительных подвижек в сфере мышления, связанных с пересмотром и изменением картины мира народа, что произошло по разного рода причинам внешнего характера.

Подобные «пики» активности языковой системы в разной степени характерны для всех напряженных периодов развития русской истории: стоит только выписать даты важнейших социальных потрясений и сопоставить их с фазами происходивших в языке изменений. Однако это лишь те «точки» на хронологической линии истории русского языка, которые выглядят для историка-лингвиста наиболее «выпукло», отчетливо. Пики наибольшей языковой активности фиксируются каждые 300 лет, но можно выделить и более мелкие точки «возмущения» системы, не менее значимые для истории языка.

Проанализированный материал позволяет выдвинуть предположение, согласно которому признаками появления новых синхроний могут быть так называемые особые «точки роста инноваций», выявление которых позволит отразить хронологическое движение языковой системы в графической перспективе. При этом для более точного описания синхронных срезов и причин появления их вариантов можно использовать понятия сильной и слабой зон вариантности, а также понятие частотной зоны (объединение типов вариантов в группы по признаку относительной близости частоты их употребления). Наблюдение за характером развития исторической тенденции — нарастанием или затуханием вариантности в определенных точках языковой системы — может помочь объективно оценить линию смены синхроний (синхронных языковых срезов).

Языковые изменения — это своеобразный пульс общественно-социальной жизни народа, четко реагирующий на внешние раздражители. Когда человеку требуется приложить значительные силы, например, бежать, его пульс учащается, сердце бьется быстрее. Так и в периоды значительного социального напряжения пульс нашего сознания учащается, что неизбежно приводит к учаще-

нию «пиков» языковых изменений на диаграмме восприятия окружающего мира и средств его оценки. Установление четких границ на линии смен синхроний и описание пиков «возмущения» языковой системы станет, по нашему мнению, важным шагом для полномасштабного осмысления языковых изменений русского языка и поможет осознать свой язык как уникальную, совершенную в своем роде и очень уязвимую в определенных звеньях систему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Н. Д. Периодизация истории индоевропейского праязыка / Н. Д. Андреев // Вопросы языкознания. 1957. № 2. С. 3-18.
2. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование / Э. Бенвенист. М.: Иностранные языки, 1955. 258 с.
3. Бирнбаум Х. О двух основных направлениях в языковом развитии / Х. Бирнбаум // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 32-42.
4. Гамкрелидзе Т. В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки / Т. В. Гамкрелидзе // Вопросы языкознания 1971. № 2. С. 19-30.
5. Курилович Е. Очерки индоевропеистики / Е. Курилович. Krakow, 1935.
6. Кюни А. Принципы сравнительного изучения индоевропейских языков и языков хамито-семитских / А. Кюни. Bordeaux, 1946.
7. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. М.-Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1938. 148 с.
8. Топоров В. Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа / В. Н. Топоров // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 44-59.
9. Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме / Н. С. Трубецкой // Избранные труды по филологии. Переводы. М.: Прогресс, 1985. С. 44-59.
10. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин. М.: Наука, 1981. 326 с.
11. Хабургаев Г. А. Становление русского языка / Г. А. Хабургаев. М.: Высшая школа, 1980. 189 с.

Marianna A. KAZAZAEVA¹

THE CRITERIA FOR ESTABLISHING THE BOUNDARIES OF HISTORICAL PERIODS OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Philology and Methodology,
Irkutsk State University
mar4272@mail.ru

Abstract

The problem of establishing clear boundaries on the synchrony shifts line in the diachronic description of the language is poorly understood and therefore relevant; also there is an open question regarding the chronological binding, which occurred in the history of the Russian language changes. In the center of the article there is the question of the chronological framework of the modern Russian language and the objective criteria for their allocation, existing at the present stage of development of linguistics. The question is raised concerning the origins of the development of the Russian language from Indo-European language, the development of which was done by a logical and sequential progression of phases of convergence and divergence. The author of the article provides a brief overview of the history of the matter in question, describes the basic criteria existing for the allocation of the most effective principles of the division of language history by period. The author also sets out her own proposals on the principles for the identification of the borders of new synchrony and their peaks, taking into account the factors resulting from the influence of a number of cumulative reasons of both external (extra-linguistic) and internal character, associated with the mechanism of the device of the system of language.

Key words

Diachronic linguistics, language change, the line of synchronicity.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-64-81

Citation: Kazazaeva, M. A. 2016. "The Criteria for Establishing the Boundaries of Historical Periods of the Development of the Russian Language". Tyumen State University Herald. Humanities Research, vol. 2, no. 1, pp. 64-81.
DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-64-81

REFERENCES

1. Andreyev, N. D. 1957. "Periodizatsiya istorii indoyevropeyskogo prayazyka" [The Periodization of the History of Indo-European Proto-Language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics Questions] no. 2, pp. 3-18 .
2. Benvenist, E. 1955. *Indoyevropeyskoye imennoye slovoobrazovaniye* [Indo-European Nominal Word Formation]. Moscow: Inostrannyye yazyki.
3. Birnbaum Kh. 1985. "O dvukh osnovnykh napravleniyakh v yazykovom razviti" [About Two Basic Directions in the Language Development]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics Questions], no. 2, pp. 32-42.
4. Filin, F. P. 1981. *Istoki i sudby russkogo literaturnogo yazyka* [The Origins of the Russian Literary Language's Fate]. Moscow: Nauka.
5. Gamkrelidze, T. V. 1971. "Sovremennaya diakhronicheskaya lingvistika i kartvelskiye yazyki (I)" [The Modern Diachronical Linguistics and the Kartvelian Languages]. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 19-30.
6. Khaburgayev, G. A. 1980. *Stanovleniye russkogo yazyka* [The Development of the Russian Language]. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Kurilovich, Ye. 1935. *Ocherki indoyevropeistiki* [The Outline of the Indo-European Studies]. Krakow.
8. Kyuni, A. 1946. *Printsipy sravnitel'nogo izucheniya indoyevropeyskikh yazykov i yazykov khamito-semitskikh* [The Principles of the Comparative Analysis of the Indo-European and Hamito-Semitic Languages]. Bordo.
9. Meillet, A. 1938. *Vvedeniye v sravnitel'noye izucheniye indoyevropeyskikh yazykov* [Introduction to the Comparative Analysis of the Indo-European Languages]. Moscow-Leningrad: Gos. sotsialno-ekonomicheskoye izd-vo
10. Toporov, V. N. 1960. "O nekotorykh teoreticheskikh osnovaniyakh etimologicheskogo analiza" [About Some Theoretical Foundations of the Etymological Analysis]. *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistics Questions], no. 3, pp. 44-59.
11. Trubetskoy, N. S. 1985. "Mysli ob indoyevropeyskoy probleme" [Thoughts about the Indo-European Problem]. In *Izbrannyye trudy po filologii: perevody* [Selected Philological Studies: Translations], pp. 44-59. Moscow: Progress.